

МЕЙРАН СТЕПАНИДА

Привезли меня в Сибирь, когда мне было всего полгода. До этого родители жили где-то в Виленской губернии. Поехали в Сибирь из-за земли. Поселились в деревне Двухречье, что была в Томском районе. Родители хозяйством занимались. Работать нас с детства приучали. Отец надорвался на работе и умер. Умерла и мама, когда мне было лет двенадцать. Учиться некогда было, так и выросла неграмотная. Потом меня отдали замуж, и мы переехали на «спичку» в Томск, в посёлок, что был возле спичечной фабрики. На этой фабрике муж работал года два, а потом и я пошла туда работать. Ребёнок родился...

В тридцать седьмом году, точно не помню месяца, моего мужа, Мейран Ивана Данатовича, арестовали. За что мужа арестовали, я не знала тогда, да и сейчас не знаю. Ничего не предполагала. Я неграмотная была, не знала даже, что есть какие-то статьи особые, политические... Думала, что он может, что на фабрике что-то натворил, но ничего такого не слышно было. Он был такой спокойный, безотказный. Работал машинистом в лущильном цехе. Куда идти узнавать, что с ним я не знала.

8 июля 38 года ко мне приехала милиция, а какая милиция я не знаю. Приехали, сказали, что приглашают на допрос мужа. Я схватилась, пиджачок какой-то одела, дитё трех лет дома одно оставила, ведь скоро вернусь, и поехала. Но меня обратно не отпустили. Завели меня в камеру небольшую, в которой было уже человек сорок, не меньше. Дышать было нечем. Мы одну небольшую щелочку нашли, подходили и дышали возле неё по очереди. Единственная мысль в голове была: вот бы мне сейчас на волю выйти, вот тогда бы я уж воздухом вволю надышусь. Я раньше не понимала, как это может воздуха не хватать.

Вызвали меня один раз на допрос, я слезами заливалась, что мне тогда говорили, я и на сегодняшний день не знаю. Сидели там в камере со мной люди разные, были среди них и люди грамотные, учёные. Некоторые из них перестукивались по трубам. Говорили, что один арестованный, в прошлом какой-то прокурор, обращался с уговорами не сопротивляться и подписывать, что скажут следователи, так как сопротивляться бесполезно. Но как сообщали, он передавал, что сделал голодовку. Это были его последние слова.

Я подписала все, что написал следователь, а что он там написал, я и по сегодняшний день не знаю. За что посадили, ничего не знаю. Если бы я курицу зарубила чужую, то я бы знала за что сижу, а так не знаю. Что это за следователь был, тоже не знаю, ведь я на него и взглянуть боялась.

Это уже когда я срок отсидела, и с меня судимость снимали, мне сказали, будто - бы я какой-то подпольной работой занималась, якобы склады взрывала, бомбы подкладывала. Якобы всё это делала с какой-то Пшедбельской, с которой я то впервые познакомилась только в камере... Мне много позже человек из КГБ, что моё дело смотрел, говорил, что мне до расстрела всего-то каких-то двух пунктов не хватило.

Подошло время на этап, загнали нас в какую-то нетопленную комнату. Одежды тёплой нет. Ведь меня же, как и многих летом арестовали. Кто босиком, кто в летних туфельках. Когда за мной пришли, сказав, что на допрос мужа вызывают, я обрадовалась, что мужа увижу, и, может его отпустят. Ничего с собой не взяла, ничего тёплого не одела.

Сначала отправили меня на Урал, на Север. Там на лесоповале работала, на разгрузке вагонов. Работа в две смены. Выматывалась ужась как. Шла как-то, за валежину зацепилась и упала. Лежу и думаю: вот бы так всё время лежать и не вставать... Нет, встала, пошла... Приволокёшься с работы в барак, бушлат мокрый, обсушиться невозможно. Завалишься на топчан, укроешься этим же

бушлатом. Утром встаёшь, а он инеем весь покрыт. В воскресенье тоже не было покоя. Выгоняют на снег, вещи вытряхивают, шмоны устраивают...

Что это за лагерь был, не помню. Был он возле какого-то города. Через два года отправили меня на Воркуту. Там у меня признали болезнь кисту, отправили в другой лагерь на обследование. Кисты не обнаружили, но я в этом лагере так и осталась. Тем и спаслась. Стала работать по сельскому хозяйству. Выполняла разную работу, куда пошлют. Работать стало не так тяжело. Одно только, в этом лагере не могла уснуть: в летнее время там день длился очень долго, солнце совсем не заходило. Зато зимой сплошная ночь на долгое время. Где-то на Севере это было. Потом попала я в лагерь, где находился лагерьный детдом. Там и закончила свой срок.

В детдоме были дети заключённых, те, кого в лагере родили. Была в этом детдоме и моя дочь, которую я в лагере родила. Ведь арестовали меня, когда я на сносях была... В этом детдоме было 3 барака. В каждом бараке были дети разных возрастов, от грудных до более взрослых. Матерей в эти бараки не допускали, даже если они рядом находились в соседнем бараке. В большинстве же это были дети-сироты. Здесь мне пришлось работать нянечкой, стирать бельё, заниматься его сушкой. Проработала я здесь лет пять. Всего же я отсидела 8 лет, и даже пересидела сверх того три месяца.

Когда вышла из лагеря, осталась рядом работать, забрала дочку к себе. Привела к себе, а она всего боится - в лагере выросла как тюремщик. В тюрьме я думала только о себе, а тут надо было думать о ребёнке. Всё отдавала дочке, а сама на работу голодная ходила. Один день на разгрузку торфа голодная пошла, второй день пошла, а на третий день упала от голода. Но жить то надо было...

Когда сняли с меня судимость, вернулась в 56 году домой в Томск, на прежнее место работы. Вначале долго меня принимать на работу не хотели, пока директор указание не дал принять.

Муж из лагеря так и не вернулся. Старший сын вырос без меня по чужим углам, я уже для него чужая стала. Не так долго прожила на этом свете и моя последняя надежда – доченька. Умерла от болезней, что ещё в лагере в детстве к ней привязались. Живу теперь одна, свой век доживаю. Вот взяла к себе старика слепого. За ним ухаживаю. Всё живая душа...

Записал В. Ханевич

- **Мейран Иван Донатович.** Родился в 1911 г., Томский р-н, Бобровская заимка; латыш; образование начальное; б/п; спичфабрика "Сибирь", машинист. Проживал: Томск.
Арестован 6 декабря 1937 г.
Приговорен: 7 января 1938 г., обв.: к-р национ. латышская организация.
Приговор: расстрел Расстрелян 21 октября 1938 г. Реабилитирован в ноябре 1958 г. *Источник: Книга памяти Томской обл.*
- **Мейран Иван Тимофеевич.** Родился в 1900 г., Витебская губ., Лютинский уезд, д. Ерзовая; латыш; образование начальное; б/п; спичфабрика "Сибирь", луцильщик. Проживал: Томск. Арестован 6 декабря 1937 г. Приговорен: 7 января 1938 г., обв.: к-р национ. латышская организация. Приговор: расстрел. Расстрелян 21 октября 1938 г. Реабилитирован в ноябре 1958 г.